

ИСТОРИЯ ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ

С. И. Посохов

«НЕПОНЯТНЫЙ» VS «НЕПОНЯТЫЙ» В.Н. КАРАЗИН КОММЕНТАРИИ, РЕМАРКИ, АПОЛОГИЯ

Статья посвящена анализу основных линий дискуссии о взглядах и результатах деятельности В.Н. Каразина (1773–1842). За 150 лет изучения его биографии было создано несколько устойчивых интеллектуальных конструкций (историографических образов). Часто эти конструкции существуют между собой в «конфликтной» связке, формируя основные линии дискуссии и бинарные идейные оппозиции. Автор статьи предлагает варианты деконструкции имеющихся утверждений, оценок и мнений о В.Н. Каразине, стремится проанализировать причины возникновения того или иного «историографического мифа», а также тенденции и факторы их эволюции.

Ключевые слова: *В.Н. Каразин, биографистика, историографические исследования, эволюция образов, Харьковский университет.*

«Я иду вперед с малыми надеждами без всякой подпоры,
подвигаясь медленно по путям,
наполненным стремнинами и терниями заросшими.
Я лшущь принести некогда,
может быть не прежде, как уже по смерти моей,
пользу дражайшему моему Отечеству
и тогда уповаю быть оправданным»

В.Н. Каразин

Нам сложно порой понять себя и своих современников, что уж говорить о деятелях давно минувших эпох. Но среди множества исторических фигур, интерес к которым не угасает, есть такие, о которых даже глубоко интересующиеся их жизнью и деятельностью люди пишут, как о «сложных», «непонятных» личностях. Такой «противоречивой личностью» традиционно именуют Василия Назаровича Каразина. Действительно, многие его поступки сегодняшнему человеку кажутся нелогичными, странными, а то и просто нелепыми. Если внимательно посмотреть многочисленные работы, посвященные Каразину, то мы заметим, что некоторые авторы пытались просто обойти вниманием «странные» эпизоды его жизни, чтобы сохранить «чистый образ». Другие, наоборот, акцентировали на них внимание, чтобы подтвердить правильность своего негативного вердикта. Стремясь сохранить «объективность», третьи вели речь о его «противоречивости».

И все же, насколько нетипичным для своей эпохи был Василий Назарович? Можем ли мы говорить о том, что он отставал от требований эпохи или, наоборот, опережал свое время? А может он действительно был человеком откровенно девиантного поведения?

Сегодня есть все основания говорить о «каразинском мифе», подразумевая под этим не столько наличие вымысла, «баснословных историй» или надуманных оценок, сколько неких интеллектуальных конструкций, которые базируются на исторических фактах и подтверждаются документами. Некоторые из таких конструкций существуют уже довольно давно, другие – явления последнего времени. Часто они представляют собой бинарные оппозиции, которые существуют в «конфликтной» связке. Время от времени происходит актуализация той или иной конструкции, за которой тянется свой «шлейф» оценок и мнений. Все это позволяет вести речь даже не о «мифе», а о «мифах».

Конфликтный характер интерпретаций поступков и личности Каразина обозначился в начале XX в. в ходе публичной дискуссии, вспыхнувшей на страницах печати. Начало ей положила брошюра неизвестного автора, спрятавшегося за криптонимом «П.В. И-в», в которой тот не пожалел черных красок для Каразина¹. Вскоре появились и другие публикации, в том числе и на страницах харьковских газет, где авторы пытались отреагировать на высказанные в брошюре обвинения.

Зримым катализатором такого обсуждения стал вопрос о сооружении памятника Каразину, который был отлит в Петербурге в 1904 г., продолжительное время стоял в закрытом виде и был торжественно открыт в июне 1907 г. в Университетском саду. Впрочем, следует напомнить, что идея об установке такого памятника была высказана в 1872 г. известным писателем Г.П. Данилевским, когда в Харькове еще не было ни одного памятника². Совет Харьковского университета принял решение просить разрешения на открытие «повсеместной в России подписки» на сооружение памятника и такое Высочайшее разрешение последовало в 1875 г.³ С того времени начали собирать средства на эту цель, причем сведения о поступлении средств регулярно публиковались в «Харьковских губернских ведомостях» с указанием имени жертвователя (даже если речь шла о совсем незначительной сумме). В начале XX в. это решение тем не менее было поставлено под сомнение. Проф. Буцинский, считая Каразина «темной личностью», высказался по этому пово-

¹ В.Н. Каразин, мнимый основатель... 1905.

² См.: О сооружении памятника... 1873. №3. С. 418.

³ Харківський університет... 2004. С. 162.

ду достаточно резко: «памятник Каразину будет вечным позором и для харьковцев и для Харьковского университета»⁴.

Сегодня очевидно, что вспышка дискуссии была обусловлена общей ситуацией в стране. В начале XX в. в Российской империи наблюдалась необычайная радикализация общественного сознания, достигшая своего апогея в 1905 г. В это время многое стало восприниматься в черно-белых тонах. Героизация противостояла разоблачениям и в оценках исторических фигур. Подозрительность, напряженные отношения проникли и в научное сообщество. Политический водораздел среди профессуры привел к обвинениям идейных противников в научной недобросовестности. Пытаясь объяснить нападки на Каразина, Д.И. Багалея тогда резонно заметил, что «брошюра г. И-ва посвящена не только развенчиванию общественных заслуг В.Н. Каразина, но и развенчиванию моих заслуг, как историка университета»⁵. Очевидно, что в вопросе об исторической роли Каразина диспутанты представляли различные политические группировки (либералов и консерваторов).

Дискуссия того времени требует специального исследования. Заметим лишь, что острые стрелы, пущенные участниками спора, и спустя сто лет продолжают использоваться публицистами, строящими свою «систему доказательств» на эпитафее.

И все же возникает определенная неудовлетворенность от, казалось бы, абсолютно справедливого тезиса Багалея, высказанного в разгар той полемики. По его мнению, автор брошюры «раздул недостатки В.Н. Каразина, которые были отмечены в предшествующей литературе, широко и без всякой критики используя те пересуды и сплетни, которые ходили о Каразине и от которых не может гарантировать себя ни одна выдающаяся личность, а в особенности такая сложная, как В.Н. Каразин, исполненная противоречий, – смеси выдающихся достоинств и значительных недостатков»⁶. Достаточно ли сказать применительно к Каразину известную фразу «кто из нас без недостатков...»?

Мы попробуем последовательно рассмотреть некоторые бинарные характеристики Каразина. Когда-то Вячеслав Иванов сказал так: «Все узнать, значит: все простить». Перефразируя сказанное, заметим: понять – значит оправдать. В слове «оправдать» основой является «правда». В течение своей жизни Каразин написал не одно письмо монархам, пытаясь оправдаться в том, в чем он не видел вины. Эти попытки остались

⁴ Бущинский 1905. С. 21.

⁵ Багалея 1905. С. 12.

⁶ Там же. С. 17.

безуспешными. Но он надеялся, как это следует из слов, ставших эпиграфом к данной статье, на понимание потомков и свое «оправдание» в будущем. Не претендуя на то, что мы знаем правду о В.Н. Каразине, мы хотим только сказать, что у него была своя правда и нужно стремиться ее понять, но для этого недостаточно пользоваться законами логики и здравого смысла, ведь часто те или иные действия человека определяет культурный контекст, а «здравый смысл» отличается от эпохи к эпохе. В случае с Каразиным мы имеем очень динамичный контекст, поскольку это была переходная эпоха от Просвещения к Романтизму, а в истории России она обозначилась еще и активным поиском путей модернизации общества. Причем важен не только «контекст Каразина», но и наш культурный контекст. Поиск «правды истории» неизменно сопровождается «культурной импутацией». Мы часто навязываем прошлому свои смыслы. Прислушаемся к мнению В. Вжосека: «...мечты наивного реалиста трудноосуществимы. Каждая категория, даже если она кажется самой фундаментальной или универсальной, укоренена в культурном контексте, который ее наделяет смыслом, одаряя первородным грехом антропоморфизма и постоянно живым, изменчивым культурным смыслом»⁷. Наши интерпретации культурно обусловлены, мы не можем осмысливать прошлое иначе, нежели через призму наших культурных представлений. Вот почему, нисколько не претендуя на окончательную истину, ниже мы предлагаем свою попытку деконструкции имеющихся утверждений и мнений о В.Н. Каразине, а задачу, среди прочего, видим в том, чтобы проанализировать, когда и почему возник тот или иной «миф», как он эволюционировал и почему.

1. Начнем с такой дихотомии: Каразин – ученый-энциклопедист или исследователь-дилетант? Сторонники первого тезиса (назовем их «апологеты») используют метафору «украинский Ломоносов», сторонники второго (назовем их «критики») – говорят об отсутствии систематического образования у Каразина и его примитивных опытах.

Об «энциклопедизме» Каразина свидетельствует широкая тематика его работ: от метеорологии до медицины, от международных отношений до технических аспектов селитроварения. В письме шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу от 29 октября 1826 года Каразин просит сохранить документы, отобранные при его аресте и так характеризует свои «17 тетрадей»: «Это собрание невинных моих физических, химических, литературных, экономических и даже домашних, также патриотических, только в меньшем числе, замечаний, о коих я жалеть буду,

⁷ Вжосек 2012. С. 30.

если они погибнут: ибо ряд целый лет в них заключался»⁸. В какой степени «энциклопедизм» в первой половине XIX в. стал архаичным явлением? В рамках европейской образовательной системы определение «пространства знания» первоначально осуществлялось путем задания списка «учебных дисциплин». Как известно, долгое время «философия» объединяла в себе весь комплекс естественнонаучного и гуманитарного знания. Это касается и первой половины XIX в. В 1835 г. в России был принят новый университетский устав, в значительной мере сориентированный на образец Берлинского университета, задававшего тон в Европе. В частности, этим уставом было предусмотрено создание философского факультета в составе двух отделений – физико-математического и историко-филологического, распоряжение об их разъединении как «соединенных в один общий факультет без достаточной причины» будет принято лишь 26 января 1850 г.

«Энциклопедизм» не ушел в прошлое с XVIII веком, его нельзя считать признаком отсталости Каразина. Да и сравнение его с Ломоносовым вполне уместно. К слову, впервые в литературе назвал Каразина «восторженным украинским Ломоносовым» Г.П. Данилевский в 1866 г., заметив, что так его называли друзья при жизни⁹. Другое дело, что в середине XX в. в советской историографии такое сравнение приобрело иной характер. В конце 1940-х гг. началась «борьба с космополитизмом», и в связи с этим стали активно искать и находить отечественных ученых, сделавших вклад в мировую науку. Именно тогда Ломоносову придали особое значение и вспомнили об «украинском Ломоносове». Таким образом, совсем не случайно в первой книге (брошюре), которая появилась в советское время о Каразине, ее автор А.Г. Слюсарский уже в первом предложении пишет о герое своего повествования как об «энциклопедически образованном ученом», «ревнителе просвещения своего народа», о том, что «современники по праву называли его украинским Ломоносовым», а в конце делает вывод: «он страстно боролся за приоритет русской науки во многих отраслях знания»¹⁰. Но разве Каразин виноват в том, что его работам и познавательным усилиям приписали большее значение, чем они имели? Впрочем, болезненное самолюбие самого Каразина¹¹ давало повод «критикам» скептически отзываться о

⁸ ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

⁹ Данилевский 1866. С. 104.

¹⁰ Слюсарский 1952. С. 63.

¹¹ См., например, его статью «О новом открытии в Англии, которое, однако, есть повторение российского изобретения 1809 г.», написанную в 1842 г. (Сочинения... 1910. С. 505-506).

его открытиях и степени их оригинальности. В любом случае надо признать, что на украинских землях он был среди первых отечественных исследователей в области физики, химии и других наук. Следует также учесть, что свои «опыты» он проводил в глубокой провинции, часто лишенный физической возможности не только воспользоваться новейшими инструментами и приборами, но даже научной периодикой. О его желании расширить свои познания и круг общения свидетельствует страсть к книгам и огромное число корреспондентов.

В.Н. Каразин, как и большинство его современников, включая тех, кто прославился на ниве науки, не получил систематического образования. В биографиях известных деятелей последней четверти XVIII – первой трети XIX в. нередко можно прочесть: «получил хорошее домашнее образование», однако это не означает, что они не владели фундаментальными научными знаниями своего времени. Каразин учился в лучших пансионах для дворянских детей в Кременчуге и Харькове и, вспоминая об этом, хвалил своих учителей И.П. Шульца и Х.И. Филдинга – «людей истинно просвещенных»¹². Обучение (пусть и эпизодическое) в Горном институте в Петербурге, который ряд исследователей считают самым передовым в России конца XVIII в. учебным заведением технического профиля, предоставило Каразину шанс овладеть научными методами. И, конечно, следует признать справедливой ту мудрость, которая гласит: «образование – это прежде всего самообразование».

Сегодня в работах историков все чаще фигурирует слово «интеллектуал». Это позволяет значительно расширить круг тех лиц, которые в XVIII–XIX вв. внесли вклад в развитие разных областей знания (а среди таковых было немало священников, литераторов и просто филантропов-помещиков). Принцип «цеховой ограниченности» не позволял их включать в число «ученых», но отрицать их влияние на умы современников было бы большой ошибкой, особенно, если их предложения были связаны с улучшением жизни людей и нововведениями, которые признавались актуальными. Каразина привлекали именно такие идеи. Если тезисы о том, что он был «революционером в науке» и «первым в Украине ученым-естествоиспытателем»¹³, можно поставить под сомнение, то его выдающуюся роль как изобретателя и рационализатора сложно отрицать, как и значение его стремления заинтересовать окружающих достижениями науки, попытки соединить данные науки с потребностями жизни. Вот, например, слова из дневника В.К. Кюхельбекера: «Техно-

¹² Там же. С. 356 (прим.).

¹³ См.: Болебрух 2005. С. 119, 134.

логические статьи Каразина, все до одной, очень занимательны. В «Сыне отечества» на 1817 год заслуживает особенное внимание его рассуждение о необходимости сбережения лесов в России; в нем много мыслей основательных и остроумных... В другой статье (о метеорологии), читанной Каразиним в 1810 году в московском Обществе испытателей природы, несколько гипотез очень смелых, но, быть может, таких, которые оправдаются лет через сто, пятьдесят или ближе»¹⁴.

Есть все основания считать Каразина «образованным человеком своего времени». О знании им иностранных языков и уровне его научных познаний свидетельствуют воспоминания профессора Марбургского, а затем Харьковского университета Х. Роммеля: «Вблизи Харькова проживало двое дворян, знакомство с которыми я считаю среди лучших воспоминаний в своей жизни. Первым был Каразин, непосредственный основатель университета. Ознакомленный с языками и литературой почти всех народов, с лучшими изобретениями европейцев в области физики и химии и исполненный филантропических идей, он посвятил себя научным исследованиям и экспериментам»¹⁵. Каразин изучал литературу писал научные труды и письма на французском и немецком языках, переводил с латыни¹⁶. Еще были живы люди, знавшие Каразина, когда Н.А. Мельгунов написал о нем: «Это был ум жадный к познаниям, душа пылкая, сжигаемая жаждой деятельности»¹⁷. Даже неглубокое изучение биографии Каразина дает основание согласиться с этим мнением.

2. Следующий круг проблем обозначен в вопросе: Каразин – государственный деятель (деятель с государственным мышлением) или прожектёр, мечтатель-авантюрист? Прежде всего напомним о том, какие идеи породила эпоха Просвещения. Это уверенность во всеилии разума, взгляд на монарха как потенциального преобразователя, акцент на просвещении как факторе изменения людей. Именно эта эпоха породила людей деятельных, стремящихся к власти как орудию воплощения замыслов, проявляющих небывалый интерес к знаниям, науке. В их текстах немало пафоса, оптимизма, восторга. Многие из них прославились великими путешествиями, открытиями, идеями. Впрочем, их деятельность была не только созидательной, но и разрушительной: они решительно отбрасывали «старый» опыт, порой готовы были включиться в любую авантюру. В Российской империи выходцы из социальной эли-

¹⁴ Кюхельбекер 1979. С. 266.

¹⁵ Роммель 2001. С. 130.

¹⁶ Сочинения... 1910. С. 35-41, 545-553, 573-582, 877-880; Трифильев 1901.

¹⁷ Мельгунов 1847. Т. 1. Ч. 2. С. 172.

ты оказались готовы принять идеи Просвещения, исходя из своих интеллектуальных возможностей. Нельзя недооценивать значение дворянства в процессах модернизации, как и специфику таких процессов в Восточной Европе – значительную роль в них государства. Деятельная натура Каразина вызревала в это время и ему соответствовала.

Его трудно назвать государственным деятелем, так как он очень непродолжительное время был на государственной службе, да и функции его в системе управления не позволяют утверждать, что он существенно влиял на государственную политику. Соответственно, сложно согласиться с теми, кто называют Каразина «одним из выдающихся либеральных реформаторов»¹⁸, понимая под «реформатором» человека, который осуществляет реформу. Преувеличением является тезис о том, что Каразин был инициатором создания Министерства народного просвещения. Создание министерства было увязано с системными переменами в сфере государственного управления, подготовленными всем предшествующим ходом развития, а к осуществлению этих реформ были причастны многие государственные сановники и, конечно, сам император Александр (применительно к созданию МНП нужно, прежде всего, назвать Ф. Лагарпа¹⁹). Не стоит, однако, недооценивать роль Каразина в органах управления зарождающейся системы образования. Он активно участвовал в разработке принципов организации системы образования²⁰. Вероятно, Каразин неоднократно возвращался в мыслях к этому эпизоду своей жизни; с годами осознавая, что это был «пик карьеры», он стал придавать ему все большее значение. Вот как он писал М.П. Погодину: «Кто знает, например, что живущий ныне, хотя уже в гроб заглядывающий старик, дал идею и выполнил ее на полустопе бумаги своею рукой об отдельном Министерстве народного просвещения, которое нигде в Европе еще не существовало?»²¹.

С большим основанием можно говорить о Каразине как о человеке с государственным мышлением. Для этого остановимся на таком историческом явлении как прожектёрство. Уже довольно давно слово «прожектёр» имеет отрицательную коннотацию, на чем строились и некоторые отрицательные оценки деятельности Каразина, представляющие его как человека суетливого, назойливого, не разбирающего средств, стра-

¹⁸ Петров 2002. Т. 1. С. 206.

¹⁹ См.: Андреев 2009. С. 359.

²⁰ По мнению А.Ю. Андреева, «наиболее значительную роль в подготовке реформ сыграли барон Ф.И. Клингер, князь А. Чарторижский, В.Н. Каразин и М.Н. Муравьев». Андреев 2000. С. 43.

²¹ Цит. по: Замечание О. Бодянского... 1861. Кн. 3. С. 203.

дающего манией величия, а его бесконечно подаваемые «проекты» – как способ заявить о себе, «вынырнуть из ничтожества». В брошюре «П.В. И-ва» он назван «знаменитым авантюристом и прожектёром», который был вообще «не способен к серьезной практической работе», а лишь «занимался составлением разного рода несурзных проектов», которые являли собой «выдумки жалкого маньяка»²².

В России «прожектёрство» как таковое возникло еще в петровское время. Сегодня исследователи пишут о разных типах и формах «прожектёрства», понимаемого в самом широком смысле – не обязательно как создание текстов в легко узнаваемом жанре обращений к монарху или крупному вельможе, но как все многообразие документов и действий, связанных с целенаправленным конструированием новых институтов и организационных форм²³. Давняя традиция обращений к государю от частных лиц или групп населения («обращения снизу») была одним из источников законодательной инициативы. Искусственность границы между прожектёрами и «настоящими» государственными деятелями показана С.В. Андрияиным, изучившим прожектёрскую деятельность П.И. Шувалова, и Я.И. Лариной (Прокопенко), исследовавшей деятельность Генриха Фика – «прожектера по должности»²⁴. Такие примеры можно обнаружить и в истории Западной Европы. «Долгий» XVIII век и особенно десятилетия на рубеже XVII–XVIII вв., называют «эпохой прожектёрства» по всей Европе²⁵. Неприятие прожектёрства усилится с утверждением неогуманизма, когда своекорыстность многих прожектеров станет противопоставляться бескорыстному поиску истины. Но прожектёрство как таковое не уйдет в небытие. Многие политические манифесты и просто публицистические тексты и в XIX в. имеют характер «прожектов», поскольку предполагалось, что высказанные в них идеи могут быть использованы властью преобладающими для осуществления тех или иных преобразований. Сегодня применительно к «прожектёрству» используются оценочно нейтральные термины, такие как «административное предпринимательство» и «интеллектуальное предпринимательство». Между прожектёрами и «настоящими» государственными деятелями, а также между сановниками и рядовыми чиновниками или экспертами нет принципиальной разницы: и те, и другие действуют в качестве административных предпринимателей²⁶.

²² В.Н. Карзин, мнимый основатель... С. 5, 6, 42, 44.

²³ См.: Федюкин 2014. С. 17 и далее.

²⁴

²⁵ См.: Novak 2008.

²⁶ Федюкин 2014. С. 21.

Таким образом, прожектёрство Каразина может и должно рассматриваться не само по себе, но как некое культурное явление своего времени. Прожектёрство, как правило, активизировалось в эпоху реформ, в ходе смены власти, в период общественных перемен. Взлет Каразина, как известно, был связан именно с тем, что его «Записка» с предложением программы реформ, поданная молодому Александру, взошедшему на престол, была благосклонно принята и позитивно оценена монархом. Нельзя не признать масштабность и разумность высказанных ее автором предложений: издание «непреложных законов», разделение исполнительной и законодательной властей, введение выборного гласного суда, просвещение низших сословий. Ряд последующих «прожектов» Каразина имели более частный характер, но, как правило, мотивировка была более общей – «блага Отечества». Сегодня исследователи указывают, что в ряде случаев искусственным было бы противопоставление карьерно-прагматического и идейного в деятельности «прожектёров»: радение об общем благе и ожидание награды за инициативу и труд по составлению проектов на практике были неразрывно увязаны²⁷. Об этом свидетельствуют и письма Каразина Александру I, в частности, одно из них: «Я писал не по видам личным, но по внутреннему убеждению... Признаюсь в том чистосердечно, быть человеком к Вам близким, Вам так сказать принадлежащим, было единственным и первейшим моим желанием: Звание вашего личного секретаря, вашего камер библиотекаря, нечто подобное, носилось в моем воображении...»²⁸.

Для прожектёров прямой канал коммуникации с монархом был особенно важен. Благосклонность монарха автоматически увеличивала ресурсы для осуществления задуманного. Не случайно, Каразин постоянно стремился привлечь внимание государя и вернуть его расположение. На сегодняшний день известно двадцать писем Каразина Александру I. До недавнего времени не были обнаружены оригиналы писем последнего к Каразину. Было известно лишь упоминание Г.Р. Державина о том, что Каразин показывал ему в Москве «...писанные такие благосклонные или, лучше сказать, дружеские рескрипты, что могли всякого привести в удивление доверенностию к нему монарха»²⁹. Недавно подлинники этих писем были обнаружены в Российском государственном историческом архиве Ю.Е. Грачевой³⁰. Успех прожектёра зависел,

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина... 1910. С. 119.

²⁹ Державин 1860. С. 452.

³⁰ Грачева 2012. С. 11-12.

прежде всего, от того, сможет ли он своими предложениями заинтересовать монарха. Но в условиях определенной системы управления прожектёр сталкивается с интересами других потенциальных игроков на конкурентном поле. Самодержавие в России порождало невероятные придворные интриги. Амбициозность Каразина в этих условиях не могла остаться незамеченной, в придворных кругах на него стали смотреть как на «высочку». Ю.Е. Грачева резонно заметила: «Чтобы оценить полученные Каразиним привилегии – право без посредников писать в собственные руки Государя и прямой доступ к императору без доклада, следует вспомнить, что в XIX в. далеко не каждый министр имел право прямого доклада Государю»³¹. Такое отношение порождало ревность и противодействие. А выпады Каразина в адрес сильных мира сего только подливали масла в огонь. Это было заметно даже тем, кто непосредственно не участвовал в этой борьбе. И.Ф. Тимковский писал Каразину: «Деятельность Ваша есть пламень всепожирающий, – ах, берегитесь!.. Не отделяйтесь, по крайней мере, не отделяйтесь так рано, оставьте себя будто в опеке. Всякое царство, разделившись, погибнет... Имея уши слышати, да слышит»³². Биографы Каразина неоднократно упоминали «завистников» и «недоброжелателей» из высших сфер, которые повлияли на судьбу их героя. Каразин имел слишком слабые ресурсы, чтобы противостоять вельможам. Как правило, прожектёры, выстраивая свою «предпринимательскую стратегию» пользовались покровительством близких к монарху людей, имели соратников, финансовые и административные ресурсы. Каразин, по сути, предлагал лишь «свое мнение», которое со временем стало лишь раздражать монарха. Пытаясь актуализировать свои обращения, Каразин, очевидно, стал «сгущать краски», пугая приближением революции и всевозможных катастроф. Он жил и действовал в эпоху, когда от «слуг Государевых» уже ушли, но к «просвещенной бюрократии» еще не пришли. Об этом свидетельствует даже «словесный протокол». Так, например, авторы неоднократно упоминали и упоминают об «опале» Каразина. Известно, что «опала» тесно связана с «фаворитизмом», характерным для XVIII века. Но дело не только в словах, но и в практиках. Возвышение безвестного прежде М.М. Сперанского и его «опала» происходили в «каразинское время»...

3. Еще одна дилемма, о которой явно или неявно вели и ведут речь биографы В.Н. Каразина: кто он – монархист-консерватор или оппозиционер-реформатор?

³¹ Там же. С. 41 (прим.).

³² Цит. по: Слюсарский 1952. С. 30.

Заключение в Шлиссельбургской крепости и публикация Герцена в «Полярной звезде» стали для советских исследователей жизни Каразина теми фактами, которые позволяли говорить о нем как о «прогрессивном», а значит и «оппозиционном» режиму деятеля. Впрочем, вполне закономерно в советской историографии утвердилось мнение о «дворянской ограниченности» Каразина, оно соответствовало ленинской оценке «дворянского этапа освободительного движения в России». Сегодня общественно-политическую позицию Каразина пытаются рассматривать с разных точек зрения и в различном контексте, и значительно чаще пишут о его консерватизме. В монографии о Каразине можно прочесть следующее: «В первой четверти XIX в. идеи, посеянные Просвещением на всем европейском континенте, завладели настроениями прогрессивной части российского общества. Поэтому Каразин-консерватор казался весьма старомодным, а его реформы в аграрно-крестьянской сфере соотечественники не воспринимали серьезно, хотя они несли в себе рациональное зерно и были более реалистичны, чем много утопичных программ, которые выдвигали радикалы»³³.

Не анализируя аргументы, которые были высказаны по этому поводу, сделаем лишь несколько ремарок. Во-первых, консерватизм не является единой идейной позицией, а имеет множество оттенков. можно говорить, например, о «традиционалистах-консерваторах», или «охранителях», и «умеренных консерваторах». Сегодня используется и такой термин как «консервативная модернизация»; пишут, что Каразина можно отнести к консервативной «партии», но «с рядом серьезных оговорок»³⁴, а Ю.Е. Грачева считает, что Каразина можно назвать «просвещенным» или даже «прогрессивным консерватором», стремившимся к государственным реформам, основанным на рациональных принципах³⁵. Очевидно, что «идеологическое» обоснование реформ может быть весьма консервативным, например, они могут обосновываться необходимостью «возврата к старине». Другими словами, «контрреформы» не исключают и даже, напротив, предполагают новации, поскольку «возвращение прошлого» в принципе невозможно, а на практике происходит определенным образом направленная модернизация.

Консервативная идеологическая позиция Каразина была обусловлена не только его пониманием общественного устройства, но и настроениями окружавших его людей. Об этом свидетельствует отрыв-

³³ Болебрух 2005. С. 10.

³⁴ Русский консерватизм... 2000. С. 94.

³⁵ Грачева 2012. С. 142.

вок из письма Александру I, написанного в сентябре 1801 г. В нем Каразин высказывает мнение об освобождении «от личного рабства всех помещичьих крестьян» и при этом добавляет: «Я мыслил произвести сие средством медлительным, но надежным, скрывающим все виды к тому от властолюбия дворян. Их деспотизм мечтаю я обмануть и согласить их выгоды с выгодами, спокойствием и славою Государства, с человеколюбием. Умоляю Тебя, скрой настоящее письмо от сведения кого бы то ни было: содержание его есть величайшая моя тайна, известная только Всевидашему оку...»³⁶.

К слову, есть основания утверждать, что монархизм Каразина также не оставался неизменным. Говоря о своей молодости, в письме к И.И. Бахтину (1810) он писал: «Я не избежал тогда соблазна от лживых прелестей французского переворота». Затем наблюдается его стремление к «общему благу» на основе реализации идей «просвещенного абсолютизма». К концу жизни Каразин, очевидно, стал сторонником идей о божественной природе монархической власти. Но разве это не та эволюция взглядов, которая была характерной для интеллектуалов периода перехода от эпохи Просвещения к эпохе Романтизма? Разве не таким же образом стали смотреть на монарха представители Романтизма? Акцент на роли предопределения/провидения отличает их позицию от предшествующей позиции просветителей. В это время получает распространение взгляд, согласно которому история – это судьба, а попытки изменить ее ход обречены на провал. Монарх же предстает исполнителем Судьбы. Не удивительно, что свою «Историю государства Российского» Н.М. Карамзин посвятил «Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всея Руси», а свое обращение к нему завершил словами: «История народа принадлежит Царю». В этом плане идейная эволюция В.Н. Каразина отчасти напоминает эволюцию настроений его старшего современника Н.М. Карамзина. Впрочем, Василий Назарович был склонен даже в письмах к царям говорить об ограничении самовластья, считая: если самодержец хочет быть выше общественного мнения и законов, тогда не нужно считать Россию Европейской державой³⁷.

О том, что в Каразине причудливым образом соединились консервативная позиция и стремление к модернизации, просветительские идеалы и представления романтиков свидетельствует даже его конфликт в Вольном обществе любителей российской словесности, где он выступил с призывом посвятить себя делам «более мужественным», чем «вздохи

³⁶ Цит. по: Грачева Ю.Е. 2012. С. 45.

³⁷ Грачева Ю.Е. 2012. С. 149.

сказочных любовников», но осознав, что многие члены Общества вынашивают нешуточные республиканские планы, решительно стал им препятствовать. Он был убежден, что возможно соединить самодержавие и свободу каждого выражать свое мнение, веру в Провидение и рационализацию жизни, старое и новое (при этом тяга к новому была у него обозначена весьма отчетливо). И, безусловно, у него неразрывно соединялись служение Отчизне и служение монарху.

Вообще разобраться с идейной позицией интеллектуалов первой половины XIX века (кто они: реформаторы или консерваторы?) непросто, ведь в это время российский политический консерватизм, как сочетание идейного и организационного начал, только зарождался, к тому же многие идейные позиции были прочерчены лишь пунктиром. Тот, кто был консерватором в одних вопросах, мог оказаться реформатором в других (так, будучи консерваторами, Н.М. Карамзин и А.С. Шишков возглавили противоборствующие «партии» традиционалистов и реформаторов языка). Напомним, что Каразин был знаком с автором «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищевым, которого сложно причислить к консерваторам. Как известно, после воцарения Александра I Радищев получил полную свободу, был вызван в Петербург и назначен членом комиссии для составления законов. Существует предание об обстоятельствах самоубийства Радищева. Он составил «Проект либерального уложения», в котором говорил о равенстве всех перед законом, свободе печати и т.д. Председатель комиссии граф П.В. Завадовский сделал ему «строгое внушение» за его образ мыслей, сурово напомнив ему о прежних увлечениях и даже упомянув о Сибири. Радищев был до того потрясен выговором и угрозами, что решил покончить с собой, выпил яд и умер в страшных мучениях. Об отношениях Каразина и Радищева может свидетельствовать факт передачи после смерти последнего его сыном архива отца именно Каразину.

«Консерватор», особенно в советское время, можно сказать, стало ругательным словом. Но, как резонно отмечают современные авторы, во всемирно-историческом плане консервативные начала можно усмотреть на самых различных этапах развития человеческого общества, в том числе, элементы консерватизма можно заметить и у Платона, и у Аристотеля, и у других древних мыслителей³⁸. Консерватизм является необходимым элементом общественно-политического спектра идей, а среди консерваторов было немало выдающихся личностей и поистине исторических деятелей. Впрочем, чтобы быть уверенным,

³⁸ Русский консерватизм... 2000. С. 51.

что перед нами консерватор, нужно первоначально ответить самому себе на вопрос: «а что есть общественный прогресс?».

4. Не менее спорной является и проблема этнической идентичности Каразина. Поскольку этой проблеме посвящены специальные исследования³⁹, сосредоточим внимание лишь на тех сюжетах, которые представлены в контрверзе «региональная» – «имперская» идентичности. Другими словами, следует ответить на вопрос: Каразин – «украинский патриот» или «носитель великодержавных идей»? На Каразина как деятеля украинского возрождения впервые взглянул Ю. Лавриненко⁴⁰. Такая оценка встретила возражения со стороны И. Лысяка-Рудницкого, который, к слову, попытался объяснить позицию автора чувством его благодарности к Харькову как городу, в котором тот провел свою молодость. Далее Лысяк-Рудницкий аргументировано отстаивал мысль о том, что Каразин был «региональным патриотом» и одновременно «государственным патриотом Российской империи»⁴¹. Такой позиции придерживаются и современные исследователи. В частности, В.В. Кравченко пишет о двойной идентичности Каразина, «соединявшего любовь к «малой родине» – отчизне и общему отечеству – Российской империи»⁴². Об этом свидетельствуют слова самого Василия Назаровича, которые, заметим, оказались выбиты и на памятнике ему: «Моя жизнь принадлежит всему отечеству, но в особенности краю, бывшему колыбелью моих понятий. Блажен уже стократно, если случай поставил меня в возможность сделать малейшее добро любезнейшей моей Украине, которой пользы столь тесно в понятии моем сопряжены с пользами исполинской России»⁴³. Кравченко также отметил, что Каразин, сравнивая местное украинское и русское население, выстраивал характеристики, основанные на принципе взаимодополняемости, а не противопоставления, стремился к скорейшей культурной интеграции с «внутренней», или «старой» Россией, но при этом такое движение предполагало не столько нивелирование местных особенностей, сколько их культивирование⁴⁴. Оценивая такую позицию Каразина, автор отмечает, что лишь в начале 1840-х гг. появятся первые признаки новой, этнокультурной, идентичности региона, которая входила в противоречие с имперской⁴⁵.

³⁹ См.: Станчев 2004; Станчев 2005.

⁴⁰ Лавриненко 1975.

⁴¹ Лысяк-Рудницкий 1994. Т. 1. С. 203–204, 82.

⁴² Кравченко 2010. С. 152.

⁴³ Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина. 1910. С. 535.

⁴⁴ Кравченко 2010. С. 153, 154, 161.

⁴⁵ Там же. С. 161.

Добавим к этому, что следует иметь в виду динамику в соотношении идентичностей: пребывая в Петербурге, Каразин воспринимался окружающими и ощущал себя представителем своей «малой родины», возвращаясь в Харьков, он уже выступал как представитель центральной власти. Но, пожалуй, этими двумя идентичностями нельзя ограничиться. Есть немало примеров, когда Каразин выступает как представитель или защитник иных народов, стран и даже всего человечества. Узкий взгляд на вещи, кажется, был не для него. В своей «Речи о истинной и ложной любви к Отечеству», произнесенной на заседании членов Филотехнического общества в 1817 г., поясняя цель своего выступления, он заметил: «...намерение состояло не в том, чтобы читать о ней [любви к Отечеству] общие места; а чтоб ополчиться в первый еще раз на предрассудок, начинающий теперь господствовать... по крайней мере в нашей Украине: на предрассудок, якобы любовь к Отечеству состоит в превознесении всего своего и в унижении и отвержении всего иностранного...»⁴⁶. Уже в начале речи он обратил внимание слушателей, что в XIX веке любовь к Отечеству «не есть исключительная привязанность к стране рождения – к единоплеменникам», а должна согласовываться «с любовью к роду человеческому»⁴⁷.

5. Спорной является и роль В.Н. Каразина в процессе создания Харьковского университета. Кем его считать: «основателем», «инициатором» создания университета, «положившим основание Харьковскому университету» как это начертано на памятнике?

Проблема создания Харьковского университета обозначена своеобразным треугольником: Каразин – местное общество – власть. Исследователи по-разному решали, что же является вершиной этого «треугольника». Кто-то настаивал на том, что университеты были созданы по решению центральной власти и Харьковский университет не является в этом плане особенным, другие уверяли, что все дело в местной инициативе и местных условиях, третьи связывали этот процесс исключительно с именем Каразина. Одним из первых последнюю версию выразил Н.А. Лавровский: «Не было бы этого страстного элемента в Каразине, не было бы и пожертвований, не было бы и университета в Харькове»⁴⁸. Другими словами, логика выстраивалась таким образом: Каразин – жертвования – университет. В этом случае «Каразин» скорее соединялся с «местным обществом», а затем включалась «власть» и

⁴⁶ Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина. 1910. С. 366.

⁴⁷ Там же. С. 359.

⁴⁸ Лавровский 1872. С. 65.

принимала решение. Сегодня историки готовы выстроить логику иначе: игнорируя местные условия (наличие «среды» для появления университета), делается акцент на инициативе Каразина, которая оказалась созвучна имперской политике⁴⁹. Логика в этом случае такова: инициатива Каразина – имперская политика – университет. Университет выглядит исключительно как результат государственного решения, но Каразин выступает в роли лощмана, указавшего нужный фарватер. Региональные интересы присутствуют в этом сплетении настроений и намерений, но они далеки от самой идеи университета.

На наш взгляд, упомянутый «треугольник» является равнобедренным, т.е. не следует игнорировать ни одну из составляющих, определивших исход дела. Именно их сочетание привело к успеху. Безусловно, создание Харьковского университета стало частью государственного проекта, который предусматривал создание системы образования в Российской империи. Возможно, выбор Харькова определялся и его географическим положением (хотя, например, Сумы расположены всего в 150 км от Харькова и в геополитическом плане такая разница ничтожна). Конечно, университет возник не на «пустом месте». В начале XIX в. предложение учредить университеты в Казани и Киеве аргументировалось наличием в этих городах соответствующих учебных заведений («...следовательно в этих городах более найдется учащихся, способных проходить университетский курс. В прочих же городах, назначаемых для университетов, учредить на первый раз гимназии, в которых бы учащиеся могли приготовиться к университетским лекциям, а родители исподволь ощутили бы пользу, проистекающую от учения»⁵⁰), т.е. выбор мест для учреждения новых университетов, несомненно, определялся тем, насколько легко было именно в этих местах «доставать» желаемое число «кандидатов» в студенты. Значительную долю первых студентов российских университетов составляли семинаристы⁵¹, которые были способны понимать лекции иностранных профессоров на латинском языке. Наличие в Харькове достаточно мощного коллегияума стало важным в этом плане аргументом. Изучение взаимодействия православных академий и коллегияумов с местным обществом в XVIII в. также позволяет утверждать, что этот процесс был весьма плодотворен и подготовил почву для восприятия университетской идеи⁵².

⁴⁹ См.: Кравченко 2010. С. 94.

⁵⁰ Цит. по: Сухомлинов 1865. С. 59.

⁵¹ Иконников 1876. С. 496.

⁵² См.: Посохова 2011.

Сказать так, как таинственный «П.В. И-в» – «...Каразин тут не причем!», – значит фальсифицировать историю. Роль Каразина в иницировании и «устройении» университета в Харькове была значительной. Во-первых, ни в одном из университетских проектов XVIII века Харьков не упоминался. Эта идея впервые была высказана Каразиным. Во-вторых, он принял активное участие в подготовке университетских уставов 1804 года (некоторые исследователи⁵³ даже считают автором именно его, но с этим трудно согласиться). Заметим, что «за особливые труды по составлению новых уставов» для учебных заведений Российской империи 22 сентября 1802 г. ему был пожалован орден Св. Владимира. В-третьих, в 1803–1804 гг. по решению первого попечителя Харьковского учебного округа он фактически руководил всеми работами по созданию университета, беспокоился об обеспечении университета оборудованием и мебелью, устройстве типографии и лаборатории. Памятником дел Каразина остаются подаренные им в библиотеку университета ценнейшие рукописи и книги. Современный историк Ф.А. Петров считает, что роль Каразина в создании учебно-вспомогательных учреждений при Харьковском университете сопоставима с ролью М.Н. Муравьева в обустройстве Московского университета⁵⁴. Не случайно, в 1811 г., когда были еще живы те, кто знал историю создания университета не понаслышке, ученый совет избрал В.Н. Каразина почетным членом Харьковского университета: «Совет подвигнут был к выборам этого мужа, помимо выдающихся познаний, которыми он отличается, ещё также чувством благодарности; ибо единственно его старанию и труду нужно приписать учреждение в Харькове университета»⁵⁵. В 1833 году профессора собрали деньги для оплаты его долга «движимые сердечною благодарностью и уважением к господину Каразину, как первому единственному виновнику основания здесь университета»⁵⁶.

Взгляд Каразина на задачи университета и его деятельность на начальном этапе устройства университета могут стать основой для обсуждения, но назвать эти идеи и дела «сумасбродными» нельзя. Следует учесть, что в конце XVIII – начале XIX в. происходило становление нового типа университета: доклассический (корпоративный, церковный) университет уступал свое место классическому (государственному). Непонимание этого процесса ведет к неадекватным оценкам как происходившего в Российской империи, так и собственно проекта Каразина.

⁵³ Аврус 2001. С. 30.

⁵⁴ Петров 2002. Т. 1. С. 214.

⁵⁵ Цит. по: Лавровский 1872. С. 101

⁵⁶ Цит. по: Абрамов 1891. С. 67.

Каразин получил официальную отставку в конце августа 1804 г. и даже не был приглашен на торжественное открытие университета в январе 1805 г. Для кого-то это тоже аргумент, чтобы оспорить его роль в истории создания Харьковского университета. Но прислушаемся к голосу современника. В своем письме В.Н. Каразину о. Василий Фотиев писал о торжественном открытии университета: «17 января исполнилось наше желание и ревностное попечение о благе общем. Великое собрание дворян и гражданства из других губерний было поражено удовольствием и радостью; самые зилы в восторге духа искали Вас, спрашивали и признавались, что счастием сим, сверх всякого чаяния, Украина Вам единственно обязана...»⁵⁷. Напомним, что Вильгельм фон Гумбольдт руководил прусским министерством культов и просвещения непродолжительное время (всего 13 месяцев, в 1810 г. был отправлен в отставку), не давал своих денег на устройство Берлинского университета, фактически отошел от университетских дел еще до его открытия, но по праву считается создателем этого университета, который сегодня с гордостью носит имя братьев Александра и Вильгельма Гумбольдтов⁵⁸.

6. Еще одно направление дискуссии связано с оценкой личных качеств Каразина. «Разоблачительный» фильм о Каразине, подготовленный телеканалом «Первая столица» в 1995 г. вызвал возмущение в университетской среде и не только. Всякий смотрящий обращал внимание на то, что в нем обильно цитировались лишь высказывания, обвинения в адрес Каразина. В значительной мере автор фильма В. Нестерук опирался на уже неоднократно упоминавшуюся брошюру «П.В. И-ва»⁵⁹. Таким образом, в данном случае есть необходимость рассмотреть дилемму: Каразин – аморальная личность или выдающийся харьковчанин?

Начнем с того, что автор упомянутого фильма, в духе нашего времени, решил обыграть историю с женитьбой 23-летнего Каразина на крепостной девочке, малолетней служанке матери Домне Ивановне, которой исполнилось 13 лет. Это дало основание В. Нестеруку назвать Каразина «растлителем малолетних». Вопрос о возрасте Домны и дате женитьбы не настолько ясен, но не в этом дело. Каразин не «соблазнил и сожительствовал», а женился, в отличие от многих помещиков, пользовавшихся своим положением господ. Именно стремлением «быть счастливым» он объяснял свою попытку бежать с ней за границу. В ходе допроса он заявил о том, что женитьба состоялась «в противополож-

⁵⁷ Цит. по: Багалей 1893–1898. Т. 1. С. 202.

⁵⁸ Об этом см.: Ростиславлева 2009.

⁵⁹ См.: Бакиров 2003.

ность большого света, на бедной воспитаннице матери, не взирая на укоризны родственников», именно поэтому он «расположен был проводить жизнь свою в отдаленном краю, где самое сие различие между состояниями и званиями супругов скрыто будет»⁶⁰. Тяготы путешествия и заключения привели к тому, что 16-летняя беременная жена Каразина умерла во время родов. Ни о каком «растлении» во время следствия речь не шла, как и во всей последующей литературе. Это «изобретение» автора фильма. А вот о чем пишут специалисты: «В середине, а особенно в конце XVIII в. несовпадение живучей традиции и законодательства стало особенно явным. Указ Синода 1774 г. вернулся к старой практике, понизив брачный возраст девушек до 13 лет. ...большинство дворян, не говоря уже о других сословиях, выбирало себе в XVIII в. 12–13-летних жен»⁶¹. Позже, в 1805 или 1806 г., Каразин женился второй раз на Александре Васильевне Бланкеннагель (Мухиной), с которой прожил всю жизнь. У семьи было семеро детей, ни о каких «скандальных» историях и любовных похождениях Каразина никто и никогда не упоминал.

Более часто при характеристике «сомнительных» личных качеств Каразина в литературе упоминается слово «доносчик», в т.ч. так называемые «доносы на Пушкина». Известный харьковский литературовед И.Я. Лосиевский, анализирувавший эти «доносы», пишет: «Немногочисленные элементы доносительства в общественно-политической деятельности Каразина были случайными и не характерными как для его образа мыслей, так и для принципов его поведения... Версия, что В.Н. Каразин – один из главных виновников первой ссылки Пушкина, не находит достаточно убедительного подтверждения и, более того, ряду документов противоречит»⁶².

Пытаясь объяснить эту ситуацию, мы не станем говорить о том, что на него влияли «тени предков», которые служили по «секретной части»⁶³, как кому-то может показаться, и дело не в особенностях психики (как о нем писал «И-в»: «несчастный маньяк», человек, страдающий «манией величия, к которой присоединилась вскоре еще и мания преследования»), человек с «расстроенным воображением» и т.д.). Дело в том, что, на наш взгляд, «доносительство» Каразина следует интер-

⁶⁰ См. указанную работу Е.П. Трифильева.

⁶¹ Пушкарева 1997. С. 157.

⁶² Лосиевский 1992. №1. С. 109–110.

⁶³ Об этом упоминал сам Каразин, рассуждая в своей речи о любви к Отечеству: «...чувство вдохнутое в меня на лоне строгого родителя, воина, который поседел в битвах и поручениях державной власти по делам Отечества» (Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина... 1910. С. 356).

претировать в категориях той эпохи и тогда его поведение станет понятнее. Заметим, что обличающие письма Каразин отправлял не местным чиновникам и правоохранителям, он их писал царю и высшим государственным чиновникам (неоднократно с настойчивостью добиваясь передачи писем лично императору, без посредничества губернатора и прочих лиц⁶⁴). И уже в этом кроется ответ на вопрос: зачем он это делал? Да, Каразин был идейным противником декабристов, считая, что изменения в обществе должен осуществлять монарх, а не люди, пришедшие к власти в результате заговора. И в этом случае он выступал как типичный представитель эпохи Просвещения, далекий от «якобинства». Свою позицию он открыто заявил в Обществе любителей российской словесности, что вызвало резкое неприятие будущих декабристов. Конфликт был усугублён личной неприязнью. Некоторые исследователи считали арест Каразина после восстания Семёновского полка именно ответными действиями некоторых будущих декабристов⁶⁵.

Каразин видел свой долг в том, чтобы убедить монарха ввести новшества и усовершенствования, и считал своей обязанностью предупредить его о всех «неустройствах» и «упущениях», а тем более приближающихся катастрофах. Как отметил В.В. Базанов, к Каразину нельзя относиться как к «обычному доносчику», поскольку его письмо «проникнуто тревогой за судьбу родины»⁶⁶.

В действиях Каразина был отголосок практики того времени. Периодически самодержец поручал доверенным лицам разобраться в сложной ситуации и доложить ему о состоянии дел. Так, в 1801 г. император поручил Каразину съездить частным образом и проверить донесение о злоупотреблениях калужского губернатора Д.А. Лопухина, отчаянного взяточника и вымогателя. Благодаря свидетельствам, которые собрал Каразин, было установлено 34 крупных преступления Лопухина⁶⁷. Если проанализировать последующие донесения и записки Каразина царю и другим высокопоставленным лицам, то станет понятно, что он не стремился «опорочить» кого-то или осуществить интригу исходя из собственных интересов, а считал себя ответственным за информирование власть предержащих о положении дел в стране. Так, на обороте пригласительной записки к министру внутренних дел В.П. Кочубею он написал: «Эту записку надобно сохранить. Она будет для меня памят-

⁶⁴ Грачева 2012. С. 147.

⁶⁵ См.: Базанов 1949. С. 216–217.

⁶⁶ Там же. С. 176.

⁶⁷ См.: Грачева 2012. С. 48–49.

ником разговора с графом... Следствием его доклада Государю... было желание Его Величества удостовериться в том, что упомянутая в примечании... эпиграмма точно была писана! ...что она не мое изобретение! (Кажется, сия последняя мысль скрывалась в поручении, которое граф мне делал и от которого я попросил увольнения, достать эпиграмму и карикатуру на бумаге). Боже мой! Почти невероятно! Как: печальная и правдивая картина о положении государства только то и произвела! Лучше их совсем оставить: да идут во стретенье судьбе, их ожидающей; и думать только о спасении своего семейства во время грозно»⁶⁸ (оригинал хранится в РГИА).

В этом же ряду и предложения Каразина об учреждении специального департамента для сбора сведений о положении на местах для центральной власти и его согласие взять на себя функции «обсерватора». Хотя «П.В. И-в» приводил эту цитату из записки Каразина для обоснования его страсти к доноситељству, она лишь подтверждает сказанное нами выше: «Подобные мне обсерваторы могут приносить свою пользу в правительстве. Есть вещи, которые ни официально, ниже посредством наемных наблюдателей низкого рода, никогда не дойдут до Государя, который должен необходимо быть всевидящее око своей империи. Дайте мне средства, и вы в непродолжительное время станете созерцать картину ее, каковой не было еще представлено. Она нужна особливо в настоящее время, которое чревато будущностию. Простые даже статистические сведения, которых собирание должно служить предлогом, в высшей степени важны для правительства»⁶⁹. К слову, такого рода деятельность Каразин противопоставлял (!) «шпионству»: «Кто теперь (в настоящем положении вещей) передаст сие мнение Государю? Неужели шпионы нечистыми их устами? Может ли Государь даже в том быть уверен, что они умеют понимать Его, различать своевольные мысли черни, различные по временам и обстоятельствам, от мыслей людей просвещенных и благонамеренных?»⁷⁰. Сегодня мы прекрасно понимаем, как важно для власти держать руку на пульсе страны, соизмеряя свою стратегию с реальным положением дел и состоянием умов.

Каразин в своих «письмах во власть» критиковал все, что, по его мнению, расшатывало общество, создавало противоречия, вело к недовольству. Он критиковал даже то, что одобрялось Александром I: мистические празднества, деятельность библейских обществ... Он готов

⁶⁸ Цит. по: Базанов 1949. С. 177.

⁶⁹ В.Н. Каразин, мнимый основатель... 1905. С. 34.

⁷⁰ Каразин 1995. С. 293.

был обличать и обличал сильных мира сего, в том числе лиц особо приближенных к царю, в ряде случаев намекая на то, что это лишь примеры, за которыми стоят общие явления: «У меня не достало бы, вероятно, ни бумаги, ни сил, если б я должен был писать о злоупотреблениях по сей части...»⁷¹. Он обвинял помещиков за их бесчеловечное обращение с крестьянами. В частности, (об этом упомянул и таинственный «И-в»⁷²) написал донос на тех помещиков, которые отдавали крестьян подрядчикам, а те безжалостно эксплуатировали их и при этом морили голодом. В письме Александру I возмущался тиранством помещиков (приводил конкретные примеры и называл имена), а затем делал вывод: «Так происходит, так и будет происходить, без просвещенного общего мнения, которого у нас быть не может, доколе, доколе...»⁷³.

Как справедливо заметил А.Г. Слюсарский, Каразин не ограничился указанием на пороки в государственной системе, а со своих позиций разработал план их ликвидации⁷⁴. Заметим, что в то время такого рода «записки» были своеобразной формой публицистики, которая пережила период своего становления, выходя на простор публичного дискурса. Социально-политическая ситуация обусловила закрытый (частный) характер дискуссий о судьбах страны. Конечно, такие сочинения могли стать объектом интереса значительного круга лиц, но в первой половине XIX в. это все же были в лучшем случае десятки людей. Примером может стать «Записка о древней и новой России» Н.М. Карамзина (1811). Прочитав ее, не комментируя, чтобы можно было уловить ее созвучность «доносам» Каразина: «Россия наполнена недовольными: жалуются и в палатах, и в хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры»⁷⁵.

Еще один важный аспект. Многие современники и исследователи писали о неуравновешенном, сложном характере Каразина. Наверное, с этим можно согласиться. Но был ли он «конфликтным человеком» или даже «мизантропом»? Известно несколько эпизодов из биографии Каразина, которые подтверждаются документально и свидетельствуют о том, что у него, скорее, было обостренное чувство справедливости и желание защитить слабого. Эти качества дополнялись смелостью, доходящей до безрассудства. Так, он хлопотал перед А.Х. Бенкендорфом о судьбе своего «камердинера», который в 1820 г. вместе с Каразинным

⁷¹ Цит. по: В.Н. Каразин, мнимый основатель... 1905. С. 40.

⁷² Там же.

⁷³ Каразин В.Н. 1995. С. 292.

⁷⁴ Слюсарский А.Г. 1955. С. 125.

⁷⁵ Карамзин Н.М. 1991. С. 49.

был арестован и допрошен, а затем добровольно пребывал там же, где и его хозяин, – в Шлиссельбургской крепости. О себе этот человек написал так: «поселянин, уроженец Слободско-Украинской губернии Богодуховского уезда села Кручика, Яков Гаврилов сын Котенко, находящийся ныне по нещастию моего господина, во временном владении помещика графа Подгоричани-Петровича». Рукою Каразина в документе следуют пояснения: «Писавший сие Котенко был в то время моим камердинером; и в один вечер со мною, т.е. 26 ноября 1820 г. взят был под караул. Частный пристав Дубецкой неоднократно допрашивал его в продолжение шести месяцев его содержания в частном доме, сулил ему от имени Высшего начальства свободу и пять тысяч рублей, если он что на меня может высказать. Он был напоследок употребляем как грамотный и расторопный человек на переписку полицейских бумаг»⁷⁶. В Российском государственном историческом архиве были обнаружены также документы, свидетельствующие о том, что Каразин, случайно узнав о бедствиях бывшей жены проф. И. Шада, высланного из пределов России за вольнодумство, написал письмо императору с просьбой не оставить ее в беде. И добился своего, ей была назначена пенсия⁷⁷.

Рассуждая о «характере» Каразина необходимо учитывать представления о «дворянской чести» и особенности дворянской субкультуры в целом, а значит соотносить его поступки с нормами поведения и увлечениями других дворян. Учитывая, что жизнь многих представителей дворянского сословия в то время заключалась в балах, взаимных визитах, игре в карты и т.п., занятия Каразина и его идеи выглядели странно. Показательной, в этом плане, может стать следующая цитата из письма харьковского губернатора В.Г. Муратова Николаю I: «...хотя, с одной стороны, самолюбивые его умствования для всякого благомыслящего не иным чем будут казаться, как только странными и нелепыми мечтаниями, однако же с другой, - в людях, менее укрепленных зрелым разумом, могут иногда поселить и противные общему порядку мнения, особенно при том даре слова и литературной способности, которыми Каразин обладает в высокой степени»⁷⁸.

Более основательно знакомясь с фактами биографии В.Н. Каразина понимаешь, что в нем сочетались одержимость и непрактичность. Когда он был одержим той или иной идеей, то готов был идти на риск, поступаться личными выгодами. Окружающим это казалось стран-

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 52. Л. 4 об.

⁷⁷ РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. С. 128–130, 210–210 об.

⁷⁸ Записка Слободско-Украинского губернатора... 1900. № 7. С. 154.

ным. Так же, как и его опыты практической направленности, которые не приносили ему выгоды. Когда он предложил местным помещикам более быстрый и дешевый способ получения селитры, те с удивлением спросили его, а почему он сам не хочет воспользоваться этими новшествами, чтобы получить обещанную прибыль. Каразин тогда ответил, что получение прибыли не является его целью, его целью является благо других и наука. Об этом же он писал в конце своей жизни: «Переходя беспрестанно от одного предмета к другому, я любил исследовать причины явлений, делать опыты, не имея в виду экономических результатов: они бы отвлекли меня от науки»⁷⁹. И, действительно, вся его жизнь опровергает обвинения в своекорыстии. Для Каразина смыслом жизни стала деятельность к «общей пользе». Ю.Е. Грачева в название своей книги о Каразине поместила его слова: «Позвольте мне быть полезным!». Увы, такая черта характера будет понятна далеко не всем нашим современникам...

7. В завершение отметим, что память о Каразине не просто была изменчивой, но порою наблюдались «разрывы памяти». Всплеск интереса к его судьбе сменялся безразличием, а то и забвением, когда очень многие люди начинали путать Каразина с Карамзиным, Каракозовым и даже Карамазовыми. Но проходило время, и снова разгоралась дискуссия о личности и плодах деятельности Василия Назаровича. Очередное «возвращение Каразина», началось в конце 1990-х гг., после присвоения его имени Харьковскому университету. На сегодняшний день мало-мальски образованный харьковчанин (и не только) хотя бы несколькими словами, но все же сможет пояснить, кто такой В.Н. Каразин. Чаще теперь можно услышать и прочитать о том, что он – просветитель, основатель Харьковского университета (который в обиходе теперь даже называют «Каразинским»).

Воплощением отмеченных зигзагов памяти является история с памятником В.Н. Каразину, открытым в Университетском саду в 1907 г. В начале 1930-х он был демонтирован и на его месте установили памятник Т. Шевченко. По сохранившимся воспоминаниям, памятник Каразину были готовы уже отправить на переплавку, но возрождение университета и чье-то заступничество привело к тому, что его в 1934 г. установили у старого здания университета. Когда в 1958 г. памятник был передвинут к новому зданию университета (установлен с боковой стороны главного корпуса), на нем давно уже были сбиты буквы «императорский» применительно к университету. С середины 1960-х гг.

⁷⁹ Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина. 2012. С. 505.

изображения памятника Каразину появились на почтовых конвертах, он стал тиражироваться в фотоальбомах. В 1999 г. Харьковский университет получил статус «национального» и имя В.Н. Каразина, в 2004 г. памятник был установлен возле главного входа в университет, на нем были восстановлены все сбитые ранее надписи. Памятник стал зримым символом исторической преемственности, своего рода доказательством реальных исторических корней того университета, возле которого он установлен. В условиях нездоровой конкуренции в системе высшего образования, возникновение вопроса о «праве первородства» послужило причиной возрождения дискуссии, которая велась сто лет назад о вкладе Каразина в создание университета, и попыток деавуировать его символическую роль.

В.Н. Каразин стал символом, за который университету пришлось бороться. Это актуализировало задачу изучения его жизни и деятельности, которая сегодня видится не в том, чтобы «героизировать» его, но показать как человека своей эпохи. А.С. Пушкин как-то сказал, что «уважение к минувшему – это черта, отличающая образованность от дикости». Когда мы поймем, что прошлое нельзя «отбросить», что наше главное наследство – это та культура, которую создавали наши предшественники, тогда мы можем сказать, что мы перешли от дикости к цивилизации. Когда мы станем внимательно прислушиваться к голосам других людей, в том числе из прошлого, тогда появится надежда, что кем-то будет услышан и наш собственный голос.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов Я.В.* В.Н. Каразин (Основатель Харьковского университета): Его жизнь и общественная деятельность: Биогр. очерк. СПб.: Обществ. польза, 1891. 96 с.
- Аврус А.И.* История российских университетов. Очерки. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. 191 с.
- Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
- Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
- Андриайнен С.В.* Империя проектов: государственная деятельность П.И. Шувалова. СПб., 2011. 239 с.
- Багалея Д.И.* Научная критика, памфлет или пасквиль? (По поводу брошюры г. И-ва «В.Н. Каразин, мнимый основатель Харьковского университета»). X., 1906. 36 с.
- Багалея Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам) / Д.И. Багалея. X., 1893–1898. Т. 1. 1204 с.
- Базанов В.В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. 420 с.
- Бакиров В.С.* Василий Каразин: Новый взгляд? Старый бред! / В.С. Бакиров, Л.О. Каразина, С.И. Посохов // Вечерний Харьков. 2003. 11 дек.

- Болебрух А.Г.* Василь Назарович Каразин / А.Г. Болебрух, С.М. Куделко, А.В. Хри- дочкін. Х.: Вид-во «Авто-Енергія», 2005. 348 с.
- Буцинский П.М.* Брошюра г. И-ва «В. Н. Каразин – мнимый основатель Харьков. у- та» и ответ проф. Д. Багалея в «Южном крае». Х., 1905. 23 с.
- Вжосек В.* Культура и историческая истина. М.: «Круг», 2012. 336 с.
- Грачева Ю.Е.* «Позвольте мне быть полезным!» Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 183 с.
- Данилевский Г. П.* Василий Назарьевич Каразин (1773–1842) // Данилевский Г. П. Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народ- ного образования. Х., 1866. С. 99–169.
- Державин Г.Р.* Записки. 1743–1812. М., 1860. 408 с.
- Замечание О. Бодянского к записке о В.Н. Каразине В.Г. Анастасевича // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 3. С. 200–210.
- Записка Слободско-Украинского губернатора В.Г. Муратова о статском советнике Каразине от 1 марта 1826 г. // Русская старина. 1900. № 7. С. 153–154.
- Иконников В.С.* Русские университеты в связи с ходом общественного образова- ния // Вестник Европы. 1876. № 10. С. 492–547.
- Каразин В.Н.* Историческая истина нынешнего времени (1820 г.) // Пам'ятки сус- пільної думки України (XVIII – перша половина XIX ст.): Хрестоматія / Під ред. А.Г. Болебруха. Днепропетровск: Вид-во ДДУ, 1995. С. 292–296.
- В.Н. Каразин, мнимый основатель Харьковского университета или повесть о том, как историк может сделать из мухи слона. – Х.: Т-во «Печ. С.П. Яковлева», 1905. 44 с. – подп. «П.В. И-в».
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и граждан- ском отношениях. М.: Наука, 1991. 125 с.
- Кравченко В.В.* Харьков/Харків: столица пограниччя. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 358 с.
- Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 789 с.
- Лавріненко Ю.* Василь Каразин – архітект Відродження: Матеріяли та думки до 200-ліття з дня народження (1773–1973). Мюнхен: Сучасність, 1975. 190 с.
- Лавровский Н.А.* Василий Назарович Каразин и открытие Харьковского универси- тета // ЖМНП. 1872. Ч. 159. № 1. С. 57–106.
- Лисяк-Рудницький І.* Каразин і початок українського національного відродження // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. К.: Основи, 1994. Т. 1. С. 203–220.
- Лосиевский И.Я.* Первая ссылка Пушкина и В. Н. Каразин // Русская литература. 1992. №1. С. 95–113.
- Мельсунов Н.А.* Иван Филиппович Вернет, швейцарский уроженец и русский пис- атель. Из воспоминаний обыкновенного человека // Современник. 1847. Т. 1. Ч. 2. С. 167–195.
- О сооружении памятника Василию Назаровичу Каразину // Русская старина. 1873. № 3. С. 418.
- Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. Т. 1. 416 с.
- Посохова Л.Ю.* На перехресті культур, традицій, епох: Православні колегіуми Укра- їни наприкінці XVII – на початку XIX ст. Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2011. 400 с.
- Прокопенко Я.И.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового вре-

- мени (XVI–XVIII вв.) / ред. М.М. Кромм, Л.А. Пименова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2013. С. 323–337.
- Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: «Ладомир», 1997. 386 с.
- Роммель К.Д. Спогади про мое життя та мій час. Х.: Майдан, 2001. 236 с.
- Ростиславлева Н.В. Основатель Берлинского университета В. фон Гумбольдт как мыслитель и политик // Новая и новейшая история. 2009. №3. С. 179–197.
- Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. и др. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.
- Слюсарский А.Г. Василий Назарович Каразин: (Ученый и обществ. Деятель, 1773–1842). [Х.]: Кн.-газ. изд-во, 1952. 68 с.
- Слюсарский А.Г. В.Н. Каразин, его научная и общественная деятельность. Х.: Изд-во Харьк. ун-та, 1955. 157 с.
- Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем. Х., 1910. 927 с.
- Станчев М.Г. «Этнические образы» В.Н. Каразина в истории и историографии // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2004. №633. Вип. 36. С. 28–43.
- Станчев М. Нові документальні свідчення про походження Василя Каразіна // Схід – Захід: іст.-культурол. зб. Х.; К., 2005. Вип. 7. С. 274–287.
- Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // ЖМНП. 1865. Ч. 128. Окт. отд. 2. С. 9–167.
- Трифильев Е.П. К биографии Василия Назаровича Каразина Попытка бегства за границу. Эпизод из истории царствования императора Павла // Записки императорского Харьковского университета. 1901. Кн. 2. С. 169–179.
- Федюкин И. «Прожектеры» как административные предприниматели: Становление раннеמודерных государственных институтов и индивидуальная инициатива // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2014. С. 13–33.
- Харківський університет: Історичний екскурс за архівними документами. Х.: СПД ФО Яковлева Г.Г., 2004. 202 с.
- Novak M.E. Introduction // The Age of Projects / Ed. M.E. Novak. Toronto, 2008. P. 3–28.

REFERENCES

- Abramov Ya.V. V.N. Karazin (Osnovatel' Khar'kovskogo universiteta): Ego zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost': Biogr. ocherk. SPb.: Obshchestv. pol'za, 1891. 96 s.
- Avrus A.I. Istoriya rossiiskikh universitetov. Ocherki. M.: Mosk. obshchestv. nauch. fond, 2001. 191 s.
- Andreev A.Yu. Moskovskii universitet v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Rossii nachala KhIKh veka. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 312 s.
- Andreev A.Yu. Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy. M.: Znak, 2009. 640 s.
- Andriainen S.V. Imperiya proektov: gosudarstvennaya deyatel'nost' P.I. Shuvalova. SPb., 2011. 239 s.
- Bagalei D.I. Nauchnaya kritika, pamflet ili paskvil'? (Po povodu broshyury g. I-va «V.N. Karazin, mnimyi osnovatel' Khar'kovskogo universiteta»). Kh., 1906. 36 s.
- Bagalei D.I. Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta (po neizdannym materia-lam) / D.I. Bagalei. Kh., 1893–1898. T. 1. 1204 s.
- Bazanov V.V. Vol'noe obshchestvo lyubitelei rossiiskoi slovesnosti. Petrozavodsk: Gos. izd-vo Karelo-Finskoi SSR, 1949. 420 s.

- Bakirov V.S. Vasilii Karazin: Novyi vzglyad? Staryi bred! / V.S. Bakirov, L.O. Karazina, S.I. Posokhov // *Vechernii Khar'kov*. 2003. 11 dek.
- Bolebrukh A.G. Vasil' Nazarovich Karazin / A.G. Bolebrukh, S.M. Kudelko, A.V. Khridochkin. Kh.: Vid-vo «Avto-Energiya», 2005. 348 s.
- Butsinskii P.M. Broshyura g. I-va «V. N. Karazin – mnimiy osnovatel' Khar'kov. u-ta» i otvet prof. D. Bagaleya v «Yuzhnom krae». Kh., 1905. 23 s.
- Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaya istina. M.: «Krug», 2012. 336 s.
- Gracheva Yu.E. «Pozvol'te mne byt' poleznym!» Vasilii Nazarovich Karazin na gosudarstvennoi sluzhbe i v obshchestvennoi zhizni Rossii pervoi treti KhIKh v. M.: Izd-vo PSTGU, 2012. 183 s.
- Danilevskii G. P. Vasilii Nazar'evich Karazin (1773–1842) // *Danilevskii G. P. Ukrainskaya starina. Materialy dlya istorii ukrainskoi literatury i narodno-go obrazovaniya*. Kh., 1866. S. 99–169.
- Derzhavin G.R. Zapiski. 1743–1812. M., 1860. 408 s.
- Zamechanie O. Bodyanskogo k zapiske o V.N. Karazine V.G. Anastasevicha // *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnosti rossiiskikh*. 1861. Kn. 3. S. 200–210.
- Zapiska Slobodsko-Ukrainskogo gubernatora V.G. Muratova o statskom sovetnike Karazine ot 1 marta 1826 g. // *Russkaya starina*. 1900. № 7. S. 153–154.
- Ikonnikov V.S. Russkie universitety v svyazi s khodom obshchestvennogo obrazovaniya // *Vestnik Evropy*. 1876. № 10. S. 492–547.
- Karazin V.N. Istoricheskaya istina nyneshnego vremeni (1820 g.) // *Pam'yatki suspil'noi dumki Ukraïni (XVIII – persha polovina KhIKh st.): Khrestomatiya / Pid red. A.G. Bolebrukha*. Dnepropetrovsk: Vid-vo DDU, 1995. S. 292–296.
- V.N. Karazin, mnimiy osnovatel' Khar'kovskogo universiteta ili povest' o tom, kak istorik mozhet sdelat' iz mukhi slona. – Kh.: T-vo «Pech. S.P. Yakovleva», 1905. 44 s. – podp. «P.V. I-v».
- Karamzin N.M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otноsheniyakh. M.: Nauka, 1991. 125 s.
- Kravchenko V.V. Khar'kov/Kharkiv: stolitsa pogranychya. Vil'nyus: EGU, 2010. 358 s.
- Kyukhel'beker V.K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i. L.: Nauka, 1979. 789 s.
- Lavrinenko Yu. Vasil' Karazin – arkhitekt Vidrozhennya: Materiyali ta dumki do 200-litya z dnya narodzhennya (1773–1973). Myunkhen: Suchasnist', 1975. 190 s.
- Lavrovskii N.A. Vasilii Nazarovich Karazin i otkrytie Khar'kovskogo universi-teta // *ZhMNP*. 1872. Ch. 159. № 1. S. 57–106.
- Lisyak-Rudnitskii I. Karazin i pochatok ukraïnskogo natsional'nogo vidrozhennya // *Lisyak-Rudnitskii I. Istorichni ese. K.: Osnovi*, 1994. T. 1. S. 203–220.
- Losievskii I.Ya. Pervaya ssylka Pushkina i V. N. Karazin // *Russkaya literatura*. 1992. №1. S. 95–113.
- Mel'gunov N.A. Ivan Filippovich Vernet, shveitsarskii urozhnets i russkii pisa-tel'. Iz vospominanii obyknovennogo cheloveka // *Sovremennik*. 1847. T. 1. Ch. 2. S. 167–195.
- O sooruzhenii pamyatnika Vasiliyu Nazarovichu Karazinu // *Russkaya starina*. 1873. № 3. S. 418.
- Petrov F.A. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2002. T. 1. 416 s.
- Posokhova L.Yu. Na perekresti kul'tur, traditsii, epokh: Pravoslavni kolegiumi Ukraïni naprikinti XVII – na pochatku KhIKh st. Kh.: KhNU im. V.N. Karazina, 2011. 400 s.
- Pushkareva N.L. Chastnaya zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zheni, lyubovnitca (Kh – nachalo KhIKh v.). M.: «Ladomir», 1997. 386 s.

- Prokopenko Ya.I. «Politicheskii inzhener» Genrikh fon Fik i fenomen reform Petra I // Fenomen reform na zapade i vostoке Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.) / red. M.M. Krom, L.A. Pimenova. SPb.: Izd-vo Evrop. un-ta, 2013. S. 323–337.
- Rommel' K.D. Spogadi pro moe zhityya ta mii chas. Kh.: Maidan, 2001. 236 s.
- Rostislavleva N.V. Osnovatel' Berlinskogo universiteta V. fon Gumbol'dt kak myslitel' i politik // Novaya i noveishaya istoriya. 2009. №3. S. 179–197.
- Russkii konservatizm KhIKh stoletiya. Ideologiya i praktika / Grosul V.Ya., Itenberg G.S., Tvardovskaya V.A. i dr. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 440 s.
- Slyusarskii A.G. Vasiliy Nazarovich Karazin: (Uchenyi i obshchestv. Deyatel', 1773–1842). [Kh.]: Kn.-gaz. izd-vo, 1952. 68 s.
- Slyusarskii A.G. V.N. Karazin, ego nauchnaya i obshchestvennaya deyatelnost'. Kh.: Izd-vo Khar'k. un-ta, 1955. 157 s.
- Sochineniya, pis'ma i bumagi V.N. Karazina, sobrannye i redaktirovannye prof. D. I. Bagaleem. Kh., 1910. 927 s.
- Stanchev M.G. «Etnicheskie obrazy» V.N. Karazina v istorii i istoriografii // Visnik Khark. nats. un-tu im. V.N. Karazina. 2004. №633. Vip. 36. S. 28–43.
- Stanchev M. Novi dokumental'ni svidchennya pro pokhodzhennya Vasilya Karazina // Skhid – Zakhid: ist.-kul'turolo. zb. Kh.; K., 2005. Vip. 7. S. 274–287.
- Sukhomlinov M.I. Materialy dlya istorii obrazovaniya v Rossii v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I // ZhMNP. 1865. Ch. 128. Okt. otd. 2. S. 9–167.
- Trifil'ev E.P. K biografii Vasiliya Nazarovicha Karazina Popytka begstva za granitsu. Epizod iz istorii tsarstvovaniya imperatora Pavla // Zapiski impera-torskogo Khar'kovskogo universiteta. 1901. Kn. 2. S. 169–179.
- Fedyukin I. «Prozhektery» kak administrativnye predprinimateli: Stanovlenie ranne-modernykh gosudarstvennykh institutov i individual'naya initsiativa // «Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...»: Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka. M.: Novoe izdatel'stvo, 2014. S. 13–33.
- Kharkivskii universitet: Istorichnii ekskurs za arkhivnimi dokumentami. Kh.: SPD FO Yakovleva G.G., 2004. 202 s.
- Novak M.E. Introduction // The Age of Projects / Ed. M.E. Novak. Toronto, 2008. P. 3–28.

Посохов Сергей Иванович, доктор исторических наук профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии, декан исторического факультета Харьковского национального университета sposokhov@mail.ru

‘Incomprehensible’ vs ‘misunderstood’ V.N. Karazin comments, remarks, and an apology

The article analyzes the main lines of the debates about the views and achievements of V.N. Karazin (1773–1842). More than 150 years of studying the biography of V.N. Karazin produced a number of intellectual constructions (historiographical images). Often these structures exist together in a “conflict” bundle, forming the main discussion lines and binary ideological oppositions. The author offers deconstruction options of existing statements, estimates and opinions on V.N. Karazin, seeks to analyze the causes of a "historiographical myth", as well as trends and factors of their evolution.

Keywords: V.N. Karazin, biographical studies, history of historical studies, evolution of images, Kharkov University.

Sergey Posokhov, D.Sc. (History), Professor, Dean of History Department, V. N. Karazin Kharkiv National University; sposokhov@mail.ru